

И. П. СОРОКИНА (Ленинград)

ПОСЛЕЛОГИ ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА

Статья написана на материале, собранном автором во время экспедиций на о. Таймыр в места расселения энцев групп бай и маду (1969—1977 гг.). Материал дополнялся и уточнялся со студентами, обучающимися на кафедре народов Севера Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

Послелогии энецкого языка можно разделить на две группы. В первую входят послелогии, которые в сочетании с именем передают в основном пространственные и временные отношения — серийные послелогии. Они служат, как правило, для выражения различных обстоятельств места и времени. Послелогии второй группы — изолированные, передают преимущественно различные косвенно-объектные отношения.

Серийные послелогии образуют серии форм, соответствующих четырем локативным падежам: дательный (латив), местно-творительный (локатив), отложительный (аблатив) и продольный (прозекутив). Послелогии этой группы отличаются тем, что сохраняя форму, соответствующую падежной, они сохраняют и значение, приписанное данному падежу в именной синтагме. Отвечая на вопросы локативных падежей (куда?, где?, откуда?, вдоль чего?), серийные послелогии в падежном оформлении служат для конкретизации и уточнения локальных значений существительных, с которыми они связаны.

В именной послеложной синтагме имя стоит либо в именительном (основном) падеже, либо получает лично-притяжательные показатели косвенного ряда.¹ Традиционно в энецком и во всех северносамодийских языках выделяются три ряда лично-притяжательных аффиксов, которые определяются как аффиксы именительного, винительного и родительного падежей (Терещенко 1966 : 444). Наша точка зрения иная. Три ряда лично-притяжательных аффиксов мы интерпретируем следующим образом: 1) аффиксы субъектного притяжания (по Н. М. Терещенко, аффиксы именительного падежа), 2) аффиксы объектного притяжания (по Н. М. Терещенко, аффиксы винительного падежа), 3) аффиксы косвенного притяжания (по Н. М. Терещенко, аффиксы родительного падежа). Аффиксы последнего ряда обслуживают все косвенные падежи и все зависимые предикаты. Отсюда и расхождение с Н. М. Терещенко в трактовке главного члена именной синтагмы с послелогом: Н. М. Терещенко считает, что имя в этой синтагме выступает в родительном падеже с лично-притяжательными показателями последнего; по нашему

¹ Вопрос о том, какое состояние древнее — употребление имен с послелогии в номинативе или в генитиве — поднимался в самодийской литературе (Кюппар 1982 : 112—118). Мы не будем на нем останавливаться, так как нас интересует в данном случае только синхронный срез.

мнению — это имя в именительном падеже с лично притяжательными показателями косвенного (зависимого) ряда.

Многие послелогои энецкого языка, как и существительные, могут присоединять лично-притяжательные суффиксы, которые в северносамодийских языках следуют после падежных аффиксов: *iro-ne-ń* 'подо мной', *iro-ne-d* 'под тобой', *iro-ne-da* 'под ним' и т. д.

Послелогои, отвечающие на вопрос куда², как правило, не принимают показателя дательного падежа *-d*, а имеют нулевой показатель. Отсутствие показателя латива в послелогоах и наречиях — характерное явление для самодийских языков.² Тем самым создается впечатление будто послелогои имеют исходную (нулевую) форму, которой противопоставлены ненулевые формы, следовательно, имеют падежную парадигму: дат. *koda mi* 'в нарту', м.-тв. *koda mi-n* 'в нарте', отл. *koda mi-δ* 'из нарты', прод. *koda me-on* 'по нарте'. Но это не так. Во-первых, серийные послелогои могут принимать показатели не всех падежей, а только локативных, и «исходная» их форма является одной из локативных. Во-вторых, падежные показатели послелогов, как правило, имеют несколько иной, усеченный вид по сравнению с показателями падежей у имен, что говорит об их более древнем состоянии: *koba-han* 'на шкуре', *koba iro-n* 'под шкурой', *koba-haδ* 'от шкуры', *koba iro-δ* 'из-под шкуры'. И в имени и в послелогое — аффиксы локативного и аблативного падежей, но в одном случае они имеют вид *-han*, *-haδ*, а в другом *-n*, *-δ*. Сохранение более древних застывших формантов падежей в составе наречий и послелогов вообще характерно для финно-угорских языков.

В-третьих, не все послелогои принимают показатели четырех перечисленных локативных падежей. Иногда они составляют серию из трех падежей, иногда из двух, а иногда выступают в форме одного падежа. Аффиксы современных падежей состоят из сплава двух первичных аффиксов *-ha-n*, *-ha-δ* (*ha* — восходит к уральскому лативу на **k(V)*, *-n* — к уральскому локативу, *-δ* — к аблативу языка-основы).

Точка зрения Б. Коллиндера (Collinder 1957 : 432) на словообразовательный характер форманта *h(V)* представляется нам недостаточно обоснованной. Сомнения в правильности его выводов уже высказывались (см. Кюппар 1971; Терешенко 1973; Mikola 1975; 1980 и др.). Дело в том, что словообразовательный формант *-hu*, *-ku*, эн. *-he*, *-ke* со значением принадлежности, местонахождения, от которого, по Коллиндеру, произошел элемент *-ha* в сложном аффиксе локатива *-hana*, в линейной цепочке именной словоформы занимает один из самых близких порядков к корню. От падежных аффиксов он отделен целым рядом других показателей. Структура именных словоформ выглядит приблизительно так: корень + транспонирующие аффиксы + аффикс эмоциональной окраски + *he* (встречается всего в нескольких энецких словоформах) + аффиксы количественной модификации + комитатив/антикомитатив + число + падеж + притяжательность. Отсюда следует,

² Наличие нулевого показателя в данном падеже связано с тем, что современный дательный падеж является падежом более позднего, с нашей точки зрения, послеложного образования. Современный показатель датива *n~d* произошел, как нам кажется, из бывшего энецкого послелогоа, ныне утратившего послеложные функции, хорошо прослеживающиеся в данном языке — *ne* 'к'. В свою очередь, древний датив произошел, видимо, из дейктического элемента **kV*, который стоял в постпозиции к имени и обладал вначале общим локальным значением. Затем, когда потребовалась дифференциация локальных значений, элемент **kV* стал употребляться только в значении направления куда-либо и стал формантом датива. Уже в своей семантике эти постпозиционные элементы, образовавшие древний и современный датив, содержали значение направления куда-либо, в силу чего датив в послелогоах и не оформлен. Этот вопрос связан с проблемой генезиса падежной системы самодийских языков, более подробно мы на нем остановиться не можем.

что у них разные места, причем достаточно удаленные друг от друга: *me-kuša-ñe-ri* 'только в чумике находящийся'.

Насколько можно судить по нашим материалам и по имеющейся литературе, направление деривации в самодийских и финно-угорских языках происходит по линейной цепочке справа налево. Мы имеем достаточное количество примеров перехода полнозначных слов в служебные элементы, а затем уже в аффиксы. Переход осуществляется справа налево, а не наоборот. Это и логично, так как самодийские языки односторонние, в них нет ни предлогов, ни префиксов, аффиксы располагаются от корня справа. Таким образом, как нам кажется, переход, предполагаемый Б. Коллиндером, противоречит движению аффиксов в самодийских языках.

Как нам кажется, происхождение компонента *-ha* таково: он восходит к уральскому лативу на **-ka*, реликты этого латива мы наблюдаем в словах, дошедших до нас в виде *k*-овых наречий, которых в энецком языке очень много, и прилагательных: *kuj* 'где', *kune* 'когда', *kudaha* 'давно', *koke* 'который', *koken* 'у которого', *kokeδ* 'от которого' и т. д. Кроме того, реликты этого форманта обнаруживаются в показателе датива *-hu*, к которому присоединяются лично-притяжательные аффиксы косвенного ряда: *katodo-hu-ñ* 'к моему дому'.

Мы склонны считать, что в праязыке имелся корневой элемент *-ku*, передающий статическое нахождение в каком-то месте с общим локативным значением (ср. совр. *kuj* 'где', *ku* 'куда'). Он стоял в постпозиции к полнозначному имени, придавая ему локативное значение. Несколько позже за ним расположились дейктические элементы другого порядка — локальные уточнители типа **nV*, **tV* (ср. эн. *to*, *toj* 'туда, там') и др. Причем элементов *n*-ового типа было два — более ранний и более поздний, ставший формантом датива (ср. эн. *tonne* > *tonene*, *kunne* > *kunene*). В современном энецком языке как наиболее архаичном все эти корни хорошо прослеживаются в наречиях. Возможно, в этот же ряд входили корневые элементы **sV*, **tV*, послужившие базой для современных внутренне- и внешнеместных падежей финно-угорских языков (см. Коппен 1979 : 13). Постепенно эти корневые элементы присоединялись к полнозначным именам и образовывали сложные суффиксы. Мы не претендуем на окончательность данных выводов, но логика движения аффиксов справа налево подсказывает нам, возможно, не единственное, но достаточно объяснимое решение.

Происхождение большинства пространственных послелогов довольно прозрачно — они восходят к существительным: *keo* 'бок' > *keod* 'около', *toha* 'край нюка у земли, за который что-либо кладут, прячут' > *taha* 'за'; *iruδ* 'дно, подошва' > *ir* 'под' и т. д.

Наряду с теми послелогоми, которые имеют аналоги существительных, происхождение *dūdīt* 'до', *naru* 'поперек', *δed* 'к, на' и др. затемнено, так как переход их в послелоги давно завершен.

Послелоги могут переходить в разряд словоизменяемых или словообразовательных аффиксов. Так, бывший когда-то в энецком послелог *ne* 'по направлению к' в настоящее время встречается практически только в составе наречий, прилагательных и в качестве словообразовательного аффикса (*or-ne-ju* 'вперед', *bar-ne* 'крайний') или в качестве составного элемента падежного форманта, практически присоединенного к показателю числа в парадигме склонения имен в двойственном числе. В нгансанском же и энецком языках этот послелог продолжает функционировать как один из самых продуктивных (нен. *ñe*, нган. *na*). В энецком языке его функции перешли частично к послелогу *δed* 'к',

который в свою очередь в нганасанском языке практически стал формантом дательного-направительного падежа.

К пространственным серийным послелогам в энецком языке относятся *mi* 'в', *min*, *mid*, *theon*; *ni* 'на', *niñ*, *nið*, *neon*; *pogon* 'между, среди, из-за, через', *pogod*, *poon* (*pomon*); *ir* 'под', *iron*, *irod*; *keod* 'около, у, к', *keohon*, *keon*; *taha* 'за, сквозь, через', *tahan*, *tahað*; *düdt* 'до', *düdigon*, *düdigod*. Два последних передают только временные отношения. По своим значениям послелогои этой серии соответствуют терминативу финно-угорских языков, передавая значение предела во времени и в пространстве: *modigun* 'во время', *modigud*.

Несколько обособленно стоят три послелогоа, которые также передают пространственные отношения, но выступают или в беспадежной форме или в застывшей форме одного из падежей. Это *naru* 'поперек', *oron* 'перед', *penon* 'позади'. Эти послелогои явно наречного происхождения и в зависимости от контекста могут употребляться то как наречия, то как послелогои.

Из всех перечисленных пространственных послелогов самыми распространенными являются *mi* и *ni*, которые могут выступать во всех локативных падежах. По функциям и оттенкам значений они очень близки финно-угорским внутренне-местным и внешне-местным падежам.

После распада праязыковой общности для передачи внутренне-местных и внешне-местных отношений в финно-угорских языках на базе *n*-ового локатива и *t*-ового аблатива образовались новые падежи, а в самодийских при наличии тех же падежей (локатива на *-n* и аблатива на *-ð ~ -t*) эти значения конкретизируются данными послелогоами, так и не ставшими формантами. Правда, тяга к переходу в формант явно прослеживается у послелогов этих корней, выступающих в продольном (прозекутивном) падеже: *theon*, *neon*. Об этом говорит и их несколько иной фонетический облик. В языке намечается тенденция перехода этих послелогов в падежные показатели прозекутива, функции которого практически по сравнению с другими падежами явно ограничены. Послелогои *theon*, *neon* в связи с этим имеют не одно, а несколько значений в отличие от послелогов этих же корней, каждый из которых имеет только одно внутреннее или внешнее значение, конкретизированное формантом падежа: *doha ni* 'на реку', *doha niin* 'на реке', *doha nið* 'от реки', *doha neon* 'по реке, над рекой, мимо реки'.

Следует заметить, что некоторые из пространственных послелогов могут оформлять не только именные, но и глагольные синтагмы (Сорокина 1983а). К таким относятся временные послелогои *düdigon*, *düdigod*, *modigun*, *modigud* и один локальный послелог *oron*. Все они в сложном комплексе передают различные временные значения: *omañ düdigon*, *bu ši otaš* 'пока я ела, он меня ждал'.

Послелогои второй группы, т. н. несерийные, изолированные в отличие от послелогов первой группы, либо не оформлены никакими падежными показателями, либо оформлены некоторыми из них. Но значения падежей, аффиксы которых принимают данные послелогои, настолько далеки от приписанных им в падежной парадигме, что смело можно говорить о застывших формах этих падежей в данных послелогоах.

Эти послелогои в отличие от серийных не имеют аналогов существительных в языке, их происхождение прослеживается очень редко, в основном оно затемнено, так как они уже давно перешли в разряд служебных слов.

Несерийные послелогои передают различные причинные, заместительные, целевые, комитативные, следственные отношения. В сочетании со стоящим перед ними именем они используются для обозначения различ-

ных косвенных актантов, выражающих разные указанные выше значения.

Нужно заметить, что в отличие от финно-угорских языков, в которых имеется разветвленная система субъектно-объектных падежей, в энецком языке их всего два. (Автор не придерживается традиционной точки зрения и считает возможным на данном этапе в энецком языке выделить два субъектно-объектных падежа: именительно-винительный и бенефактив-партитив.³) В связи с этим функции данных падежей берут на себя послелого с различными косвенно-объектными значениями. К ним относятся: *ǰeǰ* 'к, на'; *ǰekon* 'вместо, чем'; *ǰekod* 'вместо не, чем'; *ǰeon* 'из-за, ради, за то что, потому что'; *kaun* 'кроме'; *pir, piron* 'при, около' (как правило, с числительными, придавая им значение приблизительноности). *tolha, totre* 'как, похож как'; *ar* 'величиной с'; *no* 'с кем-то (совместно)'.⁴

Особый интерес представляют *ǰeǰ, ǰekon, ǰekod, ǰeon*. Бросается в глаза общность их корневого элемента, оформленного разными падежными показателями. Казалось бы, и в данном случае можно говорить о послелогох одной серии, которые, как было показано выше, имеют один корень с локальным значением, модифицированным разными падежными показателями. Однако о них этого сказать нельзя. Их «падежное» оформление не имеет ничего общего с современными падежными значениями. Связь с последними давно утрачена. Мало того, один из них — *ǰeǰ* — оформлен показателем *-ǰ*, происхождение которого спорно: либо это форма партитива, не выделяющаяся в традиции описания самодийских языков как падежная, либо это форма дезодоративного склонения, либо это элемент основы, которая сохранила *-ǰ* в застывшем виде в результате былого живого чередования *ǰe^o* ~ *ǰ*, сохранившегося до сих пор в некоторых существительных (*ǰe^o* ~ *ǰed* 'чум'). Мы склоняемся к точке зрения А. Кюннапа о том, что эн. *ǰeǰ* < сам. *ǰet*(V) (Кюннап 1976 : 56). Это подкрепляется формами местных падежей, в которых выступает данный послелог: *ǰekon, ǰekod*. ср. *ǰekon, ǰekod* 'в чуме, из чума'. В этих основах гортанный смычный оглушает следующий за ним *h* в *-han, -had*, что когда-то имело место и в корневом элементе *ǰe^o*, принимающем теперь эти показатели в застывшем виде. В корневом элементе рассматриваемых послелогов также не заключено общего значения. Этому послелогу, как впрочем и многим, можно найти аналоги во всех самодийских языках.

Иногда, очень редко, в основном в тундровом диалекте маду этот послелог встречается в форме *ǰeǰo*, т. е. в виде, который он имел до разрушения конечных гласных (явление, характерное для самодийских языков): *kaǰa ǰeǰo kobai kobahodeo* 'на солнце шкуру вывернула'. Примеров соответствий энецкого начального *ǰ* (он в энецком среднеязычный) нен. *j* и эн. *ǰ* — нен. *d/t* достаточно: нен. *jaha* ~ эн. *ǰoha* 'река', нен. *ǰorja* ~ эн. *ǰor* 'глубокий'; нен. *ǰadembaš* ~ эн. *ǰadbiš* 'быть горячим', нен. *ǰe^o*(*d*) ~ эн. *ǰe^o*(*ǰ*) 'чум'.

Остановимся на функциях этих послелогов. *ǰeǰ* может передавать в именных синтагмах как пространственные, так и непространственные отношения: *bunki tada ǰeǰ nebruǰ* 'собака к стаду побежала', *ǰǰaušumne ǰeǰǰabaj ǰešma* 'к вечеру голова у меня заболела'. В этом значении на-

³ Детальный анализ энецкого материала приводит к выводу, что качестве бенефактива-партитива следует рассматривать формы на *-ǰ*, которые в предыдущих описаниях выделялись как отдельное лично-предназначительное склонение.

правления к чему-либо послелог *ǰed* полностью заменил утраченный послелог *ne* 'к'. Особенно это видно в последнем примере, где он присоединился к наречию 'вечером', а именная синтагма закончена послелогом *ǰed* 'к'. Кроме того, послелог имеет еще незначительное, причинное, целевое значения. *ǰekon* и *ǰekod* следует рассматривать вместе. Нужно заметить, что они впервые стали объектом специального анализа. Эти послелогои не имеют собственно послеложных функций, а обслуживают только зависимые предикаты, выполняя функции союзов в полипредикативных комплексах (Сорокина 1983б). Послелог *ǰekon* в застывшей форме локативного падежа имеет значение 'вместо': *ǰekuñ tooñ ǰekon mogad šimi* 'вместо того, чтобы в дом идти, в лес убежала'; *ǰekod* в застывшей форме отложительного падежа также имеет заместительное значение, но с отрицательным оттенком: *kibi mosooda ǰekod bu kani* 'чтобы не мыть посуду, она ушла'. Третий послелог этой группы — *ǰeon* — выступает в застывшей форме продольного падежа и имеет наиболее широкий круг значений как в простых, так и в полипредикативных предложениях — цели, причины, обмена, замещения: *bu kobada ǰeon b'esihun mirða* 'он за шкуру деньгами заплатил'; *neñ ǰeon tod* 'я приехала из-за ребенка' и т. д.

Остальные послелогои этой группы выступают в одной падежной форме и обслуживают только именные синтагмы. Послелог *kaun* 'кроме' в сочетании с предшествующим именем называет предмет, без которого совершается действие: *mođ neñ kaun* 'кроме жены'. Послелогои *pir*, *piron* употребляются в основном со словами меры: *nehu pir* 'около трех'. Послелог *tolha* 'похож на, как' передает значение уподобления, сравнения: *sore tolha* 'как пень'. В этой же функции довольно часто употребляется заимствованный из ненецкого *totre* 'как'. Комитативные отношения передаются послелогом *no* 'с': *mođ disin no* 'я с дедом'. Отношения сравнения передает послелог *ar* 'величиной с': *bu siñ ar* 'он с меня'.

Следует заметить, что у многих послелогов энецкого языка вполне естественно находятся соответствия в других самодийских языках: эн. *ni* ~ нен. *ni* ~ нган. *ni*, селк. *i* (Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 : 318), эн. *ir* ~ нен. *ngil*, нган. *nile*, селк. *ul*; эн. *taha* ~ нен. *taha*, нган. *tage*, селк. *to*, *tok*; эн. *keod* ~ нен. *hevan*, селк. *go* и т. д. Особенно много соответствий между энецким и ненецким языками.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. 1980, Очерки по селькупскому языку, Москва.
- Кюннап А. 1976, Самодийские послелогои *jV и *jVt(V). — СФУ, 53—57.
- Сорокина И. П. 1983а, Пространственные послелогои энецкого языка. — Материалы конференции «Проблема этногенеза и этнической истории самодийских народов», Омск, 73—77.
- 1983б, Полипредикативные конструкции с энецкими послелогоми. — Материалы конференции «Синтаксис сложного предложения», Новосибирск.
- Терещенко Н. М. 1966, Энецкий язык. — Языки народов СССР, т. III, Москва, 438—456.
- 1973, [Рец. на] A. Künnap, System und Ursprung der kamassischen Flexions-suffixe I. — ВЯ, № 3, 138—142.
- Collinder, B. 1957, Survey of the Uralic Languages, Uppsala.
- Korhonen, M. 1979, Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasusystems. — FUF XLIII, 1—21.
- Künnap, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexions-suffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147).
- 1982, Über die ursprüngliche Kasusform des substantivischen Bestimmungswortes der postpositionalen Fügungen im Samojedischen. — СФУ, 112—118.

Mikola, T. 1975, Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen),
Budapest.

— 1980, Zum Ursprung der samojedischen Koaffixen. — UAJb. 52, 191—198.

I. P. SOROKINA (Leningrad)

POSTPOSITIONS IN THE ENETS LANGUAGE.

A complicated system of postpositions has developed in the Enets language. The postpositions are of two types: spatial and temporal postpositions, and indirect object postpositions. The postpositions in Enets can be attached not only to nouns but also to verbs; in the latter case they function as conjunctions.